

Дейв Эггерс

Голограмма для короля

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6696957
Голограмма для короля: Фантом Пресс; М.; 2014
ISBN 978-5-86471-671-7

Аннотация

В саудовской пустыне, посреди затяжного долгостроя, Алан Клей, не самый удачливый бизнесмен, ждет у Красного моря погоды. И приезда короля – для презентации передовой голографической технологии, чтобы подписать выгодный контракт. Но король все не едет и не едет. Однако Алан терпелив не меньше, чем бездушная голограмма для короля, и в ожидании пытается постичь мир, в котором живет и который так изменился. Здесь больше не имеет значения качество – только дешевизна. Здесь больше не важны дружба, и доброта, и гордость – только комфорт. В этом мире ты живешь недоуменным туристом – как в экзотической стране, где алкоголь запрещен, но все пьют по-черному; где адюльтер карается смертью, но ты едешь на свидания и твоя партнерша прикидывается мужчиной; где ты, может, и хотел бы помочь, но от тебя ждут подвоха; где всякий твой промах встречают почти удовлетворенно. Где удача вечно дразнит тебя обещаниями, но в руки никак не дается. Это мир, в котором больше нет шансов, – потому что всегда найдутся моложе, успешнее, напористей. А ты стареешь и давно стал избыточен, но ты продолжаешь жить, а значит, надеешься.

Дэйв Эггерс получил Пулитцеровскую премию за свой роман «Душераздирающее творение ошеломляющего гения» и буквально ворвался в первый ряд современных писателей. Его называют наследником Д. Сэлинджера, и каждый его роман – поистине событие и для литературы, и для настоящего читателя.

Содержание

I	4
II	6
III	11
IV	15
V	18
VI	21
VII	26
VIII	28
IX	30
X	31
XI	33
XII	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Дэйв Эггерс

Голограмма для короля

*Дэниэлу Макссуини, Рону Хэдли и Полу Вайде,
величайшим*

*Не каждый день мы бываем нужны¹.
Сэмюэл Беккет*

I

Алан Клей проснулся в Джидде. 30 мая 2010 года. Летел в Саудовскую Аравию двое суток.

В Найроби познакомился с одной женщиной. Сидели рядом, ждали посадки. Высокая, пышнотелая, в ушах капельки золота. Румяная, мелодичный голос. Понравилась Алану – обычно люди, каждодневные его знакомые, ему нравились меньше. Сказала, что живет на севере штата Нью-Йорк. А он под Бостоном – практически рукой подать.

Хватило бы храбрости, он бы придумал, как продолжить знакомство. Но нет, он сел в самолет, полетел в Эр-Рияд, оттуда в Джидду. В аэропорту его встретили и отвезли в «Хилтон».

Щелчок замка – и в 1.12 Алан вошел в номер. Быстренько подготовился ко сну. Поспать не помешало бы. В семь отправляться, ехать час, к восьми – в Экономический город короля Абдаллы. Там с командой установить систему голографических телеконференций и ждать презентации перед королем. Абдалла, если ему понравится, все ИТ города отдаст на откуп «Надежде», а комиссия, обещанная Алану, – крупное шестизначное число – исправит все, что его терзает.

В общем, к утру надо отдохнуть. Быть готовым. А он четыре часа уснуть не мог.

Думал о дочери Кит – в колледже учится, в прекрасном колледже, и притом дорогом. Алану нечем оплатить осенний семестр. А оплатить он не может, потому что в жизни своей принимал неверные решения. Неудачно планировал. Недоставало храбрости, а без храбрости было никуда.

Его решения были недальновидны.
И чужие решения были недальновидны.
Безрассудные были решения, хитроумные.

Но он тогда не знал, что его решения недальновидны, безрассудны и хитроумны. Он сотоварищи не подозревали, до чего в итоге докатятся все они, – до чего докатится Алан: почти банкрот, почти безработный, владелец, он же единственный сотрудник консалтинговой фирмы с домашним офисом.

С матерью Кит он развелся. Дольше живут по отдельности, чем были вместе. Руби – смертоносный геморрой, жила теперь в Калифорнии, деньгами Кит не помогала. Колледж – твоя забота, сказала она Алану. Уж будь мужчиной, прибавила она.

А осенью Кит в колледж не пойдет. Алан выставил дом на продажу, но дом пока не ушел. Других вариантов нет. Алан многим задолжал – в том числе \$ 18 тысяч двум велосконструкторам за прототип нового велосипеда, который Алан думал выпускать в Бостоне. За что был обозван идиотом. Он должен Джиму Вону, который ссудил ему \$ 45 тысяч – на сырье, на первый и последний месяц аренды склада. Еще штук 65 он должен полудюжине друзей и несостоявшихся партнеров.

В общем, он банкрот. А когда сообразил, что не сможет оплатить колледж, поздно было искать другие источники. И переводиться поздно.

Здоровая девица пропускает семестр в колледже – это трагедия? Нет, не трагедия. Долгая и мучительная мировая история даже не заметит, что умная и способная девица пропустила семестр. Кит переживет. Не трагедия. Отнюдь не трагедия.

С Чарли Фэллоном, говорили, случилась трагедия. Чарли Фэллон до смерти замерз в озере неподалеку от Аланова дома. В озере у Алана за забором.

Не в силах уснуть в номере «Джидды-Хилтона», Алан думал о Чарли Фэллоне. Алан видел, как Чарли вошел в озеро. Алан как раз уезжал в карьер. Непонятно, зачем Чарли Фэллону в сентябре лезть в мерцающую озерную черноту, но, в общем, ничего тут такого нет.

Чарли Фэллон слал Алану книжные страницы. Это длилось два года. Чарли довольно поздно открыл для себя трансценденталистов – словно давно потерянных братьев отыскал. Брукфарм² неподалеку – Чарли считал, это что-то значит. Изучал своих бостонских предков, надеялся на родство – ничего не нашел. Но все равно слал Алану страницы – отдельные фрагменты выделял маркером.

Машинерия незаурядного ума, считал Алан. Кончай слать мне эту макулатуру, говорил он Чарли. Тот ухмылялся и продолжал.

Увидев, как Чарли в субботний полдень заходит в озеро, Алан решил, что перед ним логическое развитие новообретенной любви к природе. Когда Алан проезжал, Чарли стоял в воде по щиколотку.

² Брукфарм, или Институт сельского хозяйства и просвещения Брукфарм (*Brookfarm*, 1841–1846) – колония социалистов-утопистов, основанная в 1841 г. под Бостоном, в Вест-Роксбери, американским философом-трансценденталистом Джорджем Рипли и его женой Софией; одним из сооснователей выступил американский писатель Натаниэль Готорн (1804–1864), с Брукфарм были так или иначе связаны многие члены литературно-философского движения трансценденталистов – Ралф Уолдо Эмерсон, Генри Дэвид Торо и т. д.

II

Когда проснулся в «Джидде-Хилтоне», уже опоздал. На часах 8.15. Уснул только в начале шестого.

В Экономическом городе короля Абдаллы его ждали к восьми. Дорога – минимум час. Пока душ, пока одеться, пока доехать – десять утра. В первый же день командировки он на два часа опоздает. Вот дурак. И дуреет с каждым годом.

Звякнул Кейли на мобильный. Она ответила – голос сиплый. В иной жизни, на другом повороте колеса, где он моложе, она старше и обоим достало бы глупости, они бы с Кейли отжигали.

– Алан! Привет. Тут красота. Ну или не красота. А вас нету.

Он объяснил. Врать не стал. Уже не хватало сил, не хватало выдумки на вранье.

– Ну, не переживайте, – сказала она и хихикнула – этот голос намекал на возможность, славил существование фантастической жизни, полной неустанной чувственности, – мы только начали. Но вы уж добирайтесь сами. Кто-нибудь знает, как тут машину найти?

Это она, похоже, заорала коллегам. Судя по звуку, там какая-то пещера. Алан вообразил темную пустую нору – три молодых человека со свечами ждут, когда Алан принесет фонарь.

– Он не может взять в прокате, – сказала она им. Потом ему: – Взять в прокате можете?

– Разберусь, – сказал он.

Позвонил вниз:

– Здравствуйте. Это Алан Клей. А вас как зовут?

Он всегда спрашивал. Еще Джо Триволи в «Фуллер Браш»³ приучил. Спрашивай имена, повторяй имена. Ты запоминаешь людей, они запоминают тебя.

Администратор сказал, что зовут его Эдвард.

– Эдвард?

– Да, сэр. Эдвард меня зовут. Чем могу быть полезен?

– Вы откуда, Эдвард?

– Из Джакарты, сэр.

– А, Джакарта, – сказал Алан. И сообразил, что ему нечего сказать о Джакарте. Он ничего о Джакарте не знает. – Как вы думаете, Эдвард, можно мне через отель взять машину напрокат?

– А международные права у вас есть?

– Нет.

– Тогда, наверное, не стоит.

Алан позвонил портье. Сказал, что ему нужен водитель с машиной – доехать до Экономического города короля Абдаллы.

– Придется немножко подождать, – сказал портье. Акцент не саудовский. Видимо, саудовцы в этом саудовском отеле не работают. Это-то Алан понял. Говорят, саудовцы почти нигде не работают. Всю рабсилу импортируют. – Нам нужно найти подходящего водителя, – сказал портье.

– А такси вызвать нельзя?

³ «Фуллер Браш» (*The Fuller Brush Company*) – компания, торгующая парфюмерией, галантереей и бытовой химией по каталогам и посредством личных продаж; основана в 1906 г. Алфредом Карлом Фуллером.

– Да не очень, сэр.

Алан вскипел, но он ведь сам виноват. Сказал портье спасибо, повесил трубку. Он знал, что в Джидде и Эр-Рияде так запросто такси не вызвать – об этом предупреждали путеводители, очень красноречиво живописали, сколь опасно для иностранцев Королевство Саудовская Аравия. В Госдепартаменте оно чуть ли не первым номером в списке. Не исключены похищения. Алана могут продать «Аль-Каиде», потребовать выкуп, через границу перебраться. Но Алану никогда ничего не угрожало, а он по работе ездил в Хуарес в девяностых и в Гватемалу в восьмидесятых.

Телефон.

– Нашли водителя. Когда он вам понадобится?

– Как можно скорее.

– Через двенадцать минут будет здесь.

Алан принял душ и побрил крапчатую шею. Надел майку, белую рубашку, хаки, мокасины, бежевые носки. Ты американский бизнесмен? Вот и одевайся соответственно, сказали ему. Предостерегали: бывали случаи, когда чрезмерно рьяные западные туристы обряжались в дишдашу и куфию. Из кожи вон лезли, чтобы слиться с обстановкой. Никто им за это спасибо не говорил.

Поправляя воротник, Алан нащупал шишку на шее – обнаружил месяц назад. С мячик для гольфа, торчит из позвоночника, на ощупь как хрящ. Временами казалось, что это лишний позвонок, – ну а что еще это может быть?

Может быть опухоль.

Такая шишка прямо на позвоночнике наверняка инвазивна и смертельна. В последнее время в голове мутится, походка неловка – ужасно, но логично, если на шее что-то растет, пожирает его, высасывает жизненные соки, притупляет остроту ума и выхолащивает целеустремленность.

Хотел к врачу сходить, но так и не сходил. Врач не станет это оперировать. Алан не хотел облучаться, не хотел лысеть. Нет, надо не так; надо иногда ее щупать, отмечать сопутствующие симптомы, снова щупать и больше ничего не делать.

Через двенадцать минут Алан был готов.

Позвонил Кейли:

– Выезжаю.

– Вот и славно. Когда приедете, мы тут уже все поставим.

Команда может добраться без него, все поставить без него. Он-то здесь зачем? Под благовидным предлогом разве что, но предлог сработал. Во-первых, Алан старше всех в команде – они прямо дети, тридцать и моложе. Во-вторых, Алан когда-то водил знакомство с племянником короля Абдаллы – в середине девяностых вместе занимались пластмассой, и Эрик Ингвалл, вице-президент нью-йоркской «Надежны», счел, что этого хватит привлечь внимание короля. Может, и не хватит, но Алан не спорил.

Хороню, что есть работа. Работа ему нужна. Последние года полтора, до звонка Ингвалла, пообломали Алану крылья. Он не ожидал, что в таком возрасте придется заполнять налоговую декларацию на \$ 22 350. Семь лет консультировал из дома, с каждым годом доходы таяли. Никто ничего не тратил. Еще пять лет назад дела шли хорошо, старые друзья

подбрасывали заказы, он был полезен. Знакомил с поставщиками, пользовался уважением, пользовался связями, как-то выкручивался. Думал, чего-то стоит.

А теперь ему пятьдесят четыре, и корпоративной Америке он интересен не больше, чем глиняный самолет. Работы не найти, клиенты не идут.

Сначала «Швинн», потом «Хаффи»⁴, «Производственное объединение “Фронтир”», «Консалтинг Алана Клея», а теперь он сидит дома и смотрит на ди-ви-ди, как «Ред Соке» выигрывают чемпионат в 2004-м и 2007-м. Ту игру, когда у них было четыре хоумрана подряд против «Янки». 22 апреля 2007 года. Сто раз посмотрел эти четыре с половиной минуты и неизменно переживал что-то похожее на радость. Как будто все правильно, во всем порядке. Победа, которой не отнять.

Алан позвонил портье:

– Машина приехала?

– Простите, опоздает.

– Это вы из Джакарты?

– Это я.

– Эдвард?

– Эдвард.

– И снова здравствуйте, Эдвард. На сколько она опоздает?

– Еще двадцать минут. Прислать вам завтрак?

Подошел к окну, выглянул. Красное море спокойно, с такой высоты – море как море. Прямо по берегу – шестиполосное шоссе. На пирсе рыбачит троица в белом.

Глянул на соседний балкон. Увидел свое отражение в стекле. Человек как человек. Когда побрит и одет, сойдет за настоящего. Но взгляд потемнел, запали глаза – люди замечали. На последней встрече школьных выпускников один дядька, бывший футболист, которого Алан презирал, спросил: «Алан Клей, тебя что, контузило? Что с тобой такое?»

С моря дохнуло ветром. Вдали по воде тащился контейнеровоз. Тут и там редкие суда, крохотные, будто игрушечные.

В самолете из Бостона в Лондон рядом с Аланом сидел мужик. Пил джин с тоником и разглагольствовал.

Сначала-то было ничего, да? – говорил он. Это сколько ж лет назад? Тридцать вроде? Двадцать, двадцать два? Но все закончилось, я вам говорю, будем теперь турагентами да лавочниками, как вся Западная Европа. Как-то в этом духе рассуждал человек в самолете, да? Как-то так.

И не умолкал, и ему таскали бокал за бокалом.

Мы теперь страна домашних кошек, говорил он. Всё сомневаемся, беспокоимся, накручиваем себя. Слава богу, эти края осваивали другие американцы. Это вам не нынешнее племя! Через весь континент на телеге, колеса деревянные! Человек копыта отбросит по пути, а остальные едва притормозят. В те времена хоронили мертвецов и ехали дальше.

⁴ «Швинн» (*Schwinn Bicycle Company*) – крупнейший американский производитель велосипедов; компания была основана в 1895 г. инженером Игнацем Швинном в Чикаго, обанкротилась в 2001 г., была продана с аукциона компании Pacific Cycle, та в 2010-м была куплена *Dorel Industries*, которая теперь работает над возрождением бренда «Швинн». «Хаффи» (*Huffy Corporation*) – американский производитель и импортер недорогих велосипедов; компания была основана в 1887 г. Джорджем П. Хаффманом в Дейтоне, штат Огайо, и начала выпускать велосипеды в 1892-м; в 2004 г. стало известно о несообразностях в ее финансовой отчетности, и с тех пор положение компании весьма неустойчиво, хотя велосипеды она выпускает и продает по-прежнему.

Мужик был пьяный и слегка, пожалуй, псих; как и Алан, из семьи промышленников, со временем затерялся в мирах, промышленность затрагивающих косвенно. Наливался джином с тоником и на всем поставил жирный крест. Летел во Францию, доживать под Ниццей в домике, который его отец построил после Второй мировой. Хватит с него.

Алан поддакивал, и они поболтали про Китай, Корею, производство одежды во Вьетнаме, взлет и падение текстильной отрасли Гаити, стоимость приличного жилья в Хайдарабаде. Алан не одно десятилетие занимался велосипедами, потом перебрал дюжину других занятий, консультировал, помогал компаниям эффективно и безжалостно конкурировать с соперниками – роботы, экономичное производство, такого рода. И все же год от года работы ему перепадало все меньше. В Америке больше ничего не производили. Как ему или хоть кому поддерживать производство в пять-десять раз дороже азиатского? А когда азиатские зарплаты неприлично выросли – например, до \$ 5 в час, – нарисовалась Африка. Китайцы уже выпускают кроссовки в Нигерии. Джек Уэлч⁵ говорил, производство надо погрузить на баржу, отправить в вечное плавание, искать, где подешевле, и мир, видимо, поймал его на слове. Мужик в самолете возмущенно взвыл: должно же быть *важно*, где сделана вещь!

Но Алан не хотел отчаиваться, не хотел поддаться недугу соседа. Алан же у нас оптимист? Он сам так говорил. *Недуг*. Недуг, твердил мужик. Черный юмор – в нем все дело. Анекдоты! – стонал он. Я слыхал анекдоты во Франции, в Англии, в Испании. И в России! Люди бурчат – мол, власти безнадежны, страна в основе своей необратимо загублена. И в Италии! Эта горечь, это упадочное самодовольство. Так было повсюду, а теперь и у нас. Мрачный этот сарказм. Убивает на корню, вот правда. Означает, что ты упал и встать не можешь!

Все это Алан уже слышал и больше слушать не хотел. Надел наушники и до самой посадки смотрел кино.

Алан ушел с балкона в сумрачную прохладу номера.

Вспомнил дом. Интересно, кто там сейчас? Кто забежал, пощупал вещи, убежал?

Дом продается – уже четыре месяца. Это что, из-за озера, где человек замерз до смерти?

Только из-за дома Руби и позвонила. Ну что, продал? Хотела денег, боялась, что Алан продаст дом и как-нибудь это от нее скроет. Когда продам, узнаешь, сказал ей Алан. И интернет никто не отменял. Едва она заорала, он повесил трубку.

Прихорашивать дом пришла женщина. Есть такие специальные люди. Приходят и делают из твоего дома конфетку – ты бы так не смог. Разгоняют мрак, который ты нагнал человечьей своей сумятицей.

Пока дом не купят, живешь в копии своего дома, и она лучше оригинала. Больше желтых пятен. Цветы, столики из переработанной древесины. А твой скарб сдан на хранение.

Звали ее Рене – пушистые волосы зачесаны на макушку, похоже на сахарную вату. Для начала уберите мусор, велела она. Тут девяносто процентов всего надо упаковать и вывезти, сказала она, рукой обведя все, что он накопил за двадцать лет.

Он упаковал. Вывез, вывез. Мебель оставил, но Рене приехала снова и сказала: теперь поменяем мебель. Купите или возьмете напрокат?

Он вывез мебель. В гостиной стояли два дивана – оба отдал. Один – подруге Кит. Другой – Чуй, который стриг газон. Рене взяла в прокате картины. Неопределенные абстракции,

⁵ Джон Фрэнсис (Джек) Уэлч-мл. (р. 1935) – американский инженер-химик и предприниматель; в 1981–2001 гг. был председателем Совета директоров и исполнительным директором «Дженерал Электрик».

как она выражалась. Висели по комнатам – холсты приятных оттенков, неясные силуэты неизвестно чего.

Прошло четыре месяца. Алан жил в доме, а на время просмотров эвакуировался. Иногда оставался. Иногда запирался в кабинете, а покупатели бродили по дому и критиковали. Потолки низковаты, говорили они. Спальни тесные. А это оригинальные полы? Что-то плесенью пахнет. Тут старики живут?

Иногда наблюдал, как покупатели заходят, уходят. Подглядывал из окна кабинета, точно имбецил какой. Одна пара так задержалась, что Алану пришлось отлить в кофейную чашку. Одна женщина, в длинном кожаном плаще, менеджер, что ли, шагая по дорожке, заметила Алана в окне. Повернулась к агенту и сказала: по-моему, я только что видела призрак.

Алан глядел, как волны легонько пинают берег. Надо же, какое в Саудовской Аравии огромное и нетронутое побережье. Он и не догадывался. Посмотрел на пальмы внизу, во дворе его отеля и соседнего; посмотрел на Красное море. Может, тут и остаться? Взять новое имя. Сбежать от долгов. Как-нибудь посылать Кит денег, вывернуться из нестерпимых тисков американской жизни. Он уже пятьдесят четыре года оттрубил. Может, хватит?

Но нет. Он выше этого. Временами он выше. Временами он способен объять весь мир. Временами он видит вдаль на многие мили. Временами он переваливает через предгорья безразличия и прозревает пейзаж своей жизни, своего будущего: картографируемо, преодолимо, досягаемо. Все, чего он добивается, свершалось и прежде, так отчего он не способен повторить? Он способен. Надо только взяться и не отступать. Составить план – и выполнить. Он способен! Надо в это верить. Конечно, способен.

Сделка с Абдаллой уже у него в кармане. Масштабами с «Надежной» никому не тягаться, а теперь у них еще и эта голограмма. Алан закроет сделку, получит комиссионные, раздаст долги в Бостоне и поднимется. Откроет небольшую фабрику, сначала на тысячу великов в год, потом раскрутится. Мелочью по карманам расплатится за колледж. отошлет прочь агентов, выплатит остаток за дом, колоссом зашагает по миру – денег хватит, чтоб говорить: а *ты* — на хуй пошел, и *ты*, и вот *ты*.

Стук в дверь. Принесли завтрак. Картофельные оладьи в номер за пять минут. Так не бывает – или он ест то, что готовили кому-то другому. Точно. Ну и ладно. Он подождал, пока официант расставит тарелки на балконном столе, размашисто подписал счет – сидя на десятом этаже, щурясь от ветра. На миг почудилось, что это и есть его жизнь. Что он ее достоин. Хозяин положения, человек на своем месте – пора соответствовать. Может, если он из тех, кому достаются чужие оладьи, кого отель так хочет умаслить, что присылает чужой завтрак, тогда ему и аудиенцию у короля назначат.

III

Телефон.

– У нас неувязка с первым водителем. Мы вызвали другого. Он в пути. Через двадцать минут будет.

– Спасибо, – сказал Алан и повесил трубку.

Посидел, осторожно подышал, успокоился. Он американский бизнесмен. Ему не стыдно. Он сегодня что-нибудь замутит. Он не просто дурак какой.

Алану ничего не обещали. Король очень занят, твердили ему в письмах и по телефону. Ну еще бы не занят, отвечал Алан, снова и снова повторял, что готов встретиться где и когда его величеству угодно. Но все не так просто: король занят, а график его меняется часто и непредсказуемо. Приходится часто и непредсказуемо менять график, поскольку многие желают королю зла. График меняется часто не только по государственным нуждам, но и ради короля и королевства. Пусть, сказали Алану, «Надежна» и другие компании, желающие поставлять услуги Экономическому городу короля Абдаллы, подготовят свои презентации и покажут там, где им назначат, на побережье где-нибудь, в сердце зарождающегося города, а незадолго до прибытия короля им сообщат. Это может случиться в любой день, сказали Алану, в любой час.

– И сколько ждать? – спросил он. – Несколько дней? Недель?

– Да, – сказали ему.

И Алан устроил эту командировку. Он такое уже проделывал – поцеловать кольцо, показать товар, договориться. Обычно выполнимо, если посредники хороши, а сам ты головы не поднимаешь. На «Надежну», крупнейшего мирового ИТ-поставщика, работать несложно. Надо думать, Абдалла хочет лучшего, а «Надежна» считала себя лучшей – уж точно крупнейшей, вдвое крупнее ближайшего американского конкурента.

Мы знакомы с вашим племянником Джалави, скажет Алан.

Или, может, мы близкие друзья с вашим племянником Джалави.

Джалави, ваш племянник, – мой старый друг.

Во всем остальном мире отношения уже не играют роли, и Алан это понимал. Они не играют роли в Америке, почти нигде не играют роли, но здесь, надеялся он, среди королевских особ, дружба пока имеет значение.

Вместе с ним поехали еще трое из «Надежны», два инженера и директор по маркетингу, Брэд, Кейли и Рейчел. Они покажут, на что способна «Надежна», Алан прикинет цифры. Контракт на ИТ с ЭГКА, сразу минимум несколько сотен миллионов «Надежне» – и это только начало, – плюс, что важнее, комфортная жизнь Алану. Ладно, не комфортная. Но он отвертится от банкротства, кое-что наберет про запас на пенсию, а Кит останется в своем колледже и хоть чуточку меньше разочаруется в жизни и в отце.

Вышел из номера. Дверь хлопнула – будто грохнула пушка. Прошел оранжевым коридором.

И не догадаешься, что вокруг отеля – Королевство Саудовская Аравия. Здание, крепостной стеной отгороженное от шоссе и моря, лишено и контактов, и контекстов – ни единого арабского узорчика. Одни пальмы да саманы – может, отель этот в Аризоне, или в Орландо, да где угодно.

Алан выглянул в атриум десятью этажами ниже – там сновали десятки людей в традиционном саудовском платье. Пришлось учить термины. Длинная белая роба называется дишдаша. Платок, покрывающий голову и шею, – куфия, крепится черным круглым шнурком – икалем. Алан смотрел, как снуют люди, в дишдашах как будто невесомые. Симпозиум духов.

В конце коридора закрывались двери лифта. Алан подбежал, сунул руку в щель. Двери испуганно, виновато отпрыгнули. В стеклянном лифте четверо, все в дишдашах и куфиях. Один или двое глянули на Алана и снова перевели взгляд на новый планшет. Владелец показывал, как работает клавиатура, крутил этот планшет, кнопки на экране перерисовывались, и друзья владельца были страшно довольны.

Стеклянный ящик, куда они все забрались, слетел через атриум в вестибюль бесшумно, точно снег, двери разъехались и явили взорам псевдокаменную стенку Пахнуло хлоркой.

Придержал саудовцам дверь – ни один не поблагодарил. Пошел за ними. Фонтан необъяснимо и ритмично плевался водою в воздух.

Алан сел за кованный столик в вестибюле. Появился официант. Алан заказал кофе.

Поблизости сидели двое, черный и белый, в одинаковых белых дишдантах. Путеводитель сообщал, что в Саудовской Аравии цветет явный, даже откровенный расизм, – и однако же. Пусть не доказательство гармонии общества, но все-таки. Алан не припоминал случая, когда обычай или максима из путеводителя подтверждались бы на практике. Описывать культурные нормы – все равно что о дорожных пробках докладывать. Не успел обнаружить, они уже устарели.

А теперь рядом кто-то возник. Алан поднял голову и узрел щекастого человека с очень тонкой белой сигаретой. Человек поднял ладонь, будто помахать хотел. Алан в замешательстве помахал.

– Алан? Вы Алан Клей?

– Ну да.

Человек потушил сигарету в стеклянной пепельнице и протянул Алану руку. Пальцы длинные и тонкие, мягкие, как будто замшевые.

– Вы шофер? – спросил Алан.

– Шофер, гид, герой. Юзеф, – ответил человек.

Алан поднялся. Юзеф был коренаст, в кремовой диш-даше смахивал на пингвина. Молодой, немногим старше Кит. Лицо круглое, гладкое, с подростковой тенью усов.

– Кофе пьете?

– Да.

– Хотите допить?

– Нет, нормально.

– Хорошо. Тогда пошли.

Они вышли из отеля. Жара набросилась хищно, как живая.

– Сюда, – сказал Юзеф, и они заспешили по тесной стоянке к древнему грязно-бурому «шеви-каприс». – Вот она, любовь моя, – сказал Юзеф, предъявляя «гневи» Алану, точно фокусник – букет пластмассовых цветов.

Ну и рыдван.

– Готовы? Багажа нет?

У Алана не было. Раньше таскал портфель, блокноты, но в заметки с совещаний ни разу не заглянул. Теперь ничего не записывал и в этом черпал силу. Человека, который не записывает, люди подозревают в великой остроте ума.

Алан открыл заднюю дверь.

– Да нет, – сказал Юзеф, – я же на вас не работаю. Садитесь вперед.

Алан послушался. Сиденье дохнуло облачком пыли.

– Вы уверены, что мы на ней доедем? – спросил Алан.

– Я постоянно мотаюсь в Эр-Рияд, – ответил Юзеф. – Ни разу не сломалась.

Юзеф сел и повернул зажигание. Мотор помалкивал.

– Ой, погодите, – сказал Юзеф, вылез, открыл капот и за ним пропал. Потом закрыл капот, снова сел и завел машину. Та очнулась, расчихалась – словно прошлое заговорило.

– Мотор барахлит? – спросил Алан.

– Да нет. Я его отрубил, когда в отель пошел. Чтоб не подложили чего.

– В смысле бомбу? – спросил Алан.

– Не террористы, – сказал Юзеф. – Тут просто один мужик считает, что я сплю с его женой.

Юзеф включил заднюю передачу, и машина попятилась.

– Кажется, хочет меня убить, – прибавил он. – Ну, поехали.

Они удалялись от стоянки. На выезде миновали «хаммер» пустынного окраса – на крыше торчал пулемет. Рядом в шезлонге сидел солдат-саудовец – мочил ноги в надувной ванне.

– То есть эта машина может взорваться?

– Да нет, сейчас не взорвется. Я проверил. Вы же видели.

– Вы серьезно? Вас хотят убить?

– Не исключено, – сказал Юзеф и свернул на центральное шоссе вдоль Красного моря. – Но пока не убьют, наверняка не скажешь, верно?

– Я час прождал водителя, у которого могут взорвать машину.

– Да нет, – сказал Юзеф, уже отвлекшись. Пытался включить айпод – старой модели, – торчавший в подстаканнике между сиденьями. У айпода не заладились шуры-муры с автомагнитолой. – Вы не волнуйтесь. Вряд ли он умеет бомбы закладывать. Он не крутой. Богатый просто. Ему пришлось бы нанимать кого-нибудь.

Алан глядел на юнца, пока до того не дошло: богатый человек вполне способен кого-нибудь нанять, чтоб заложил бомбу в машину тому, кто спит с его женой.

– Ё-о-опть. – Юзеф развернулся к Алану: – Теперь вы *меня* напугали.

Может, открыть дверь и выпасть? Все разумнее, чем ехать дальше в таком обществе.

Юзеф между тем из белой пачки вынул тонкую сигарету и закурил, щурясь на дорогу. Они проезжали шеренгу громадных скульптур леденцовых расцветок.

– Кошмар, да? – сказал Юзеф. Глубоко затянулся, и страх перед наймитами его, очевидно, отпустил. – Итак, Алан. Откуда вы?

Эта искушенность оказалась заразительна, и Алан тоже перестал нервничать. Пингвинья фигура, тонкие сигареты, «шеви-каприс» – зачем такие люди наемному убийце?

– Из Бостона, – сказал Алан.

- Бостон. Бостон. – Юзеф побарабанил по рулю. – Я был в Алабаме. Год в колледже. Вопреки голосу рассудка, Алан продолжал беседу с этим психом:
- Вы учились в Алабаме? Почему в Алабаме?
- В смысле, я там единственный араб на несколько тысяч миль? Получил годичную стипендию. В Бирмингеме. На Бостон совсем не похоже, наверно?
- Алан любил Бирмингем, о чем и сообщил. У него друзья в Бирмингеме.
- Юзеф улыбнулся:
- Эта статуя большая, Вулкан⁶, а? Ужас.
- Не то слово. Очень ее люблю, – сказал Алан.

Алабама объясняла, откуда у Юзефа этот американский английский. Говорил почти без саудовского акцента. Сандалии ручного плетения, солнечные очки «оукли».

Они мчались по Джидде, и все вокруг было как новенькое – похоже на Лос-Анджелес. *Лос-Анджелес в парандже*, как-то сказала Энджи Хили. Когда-то вместе работали в «Треке»⁷. Алан по ней скучал. Еще одна его мертвая женщина. Очень их много – подруг, обернувшихся старыми друзьями, затем *старыми* друзьями, подруг, которые вышли замуж, чуток постарели, вырастили детей. Плюс мертвые подруги. Умерли от аневризмы, рака груди, лимфомы. Бред какой-то. Его дочери двадцать, еще немного – и будет тридцать, и вскоре дождем польются болезни.

- Так вы спите с его женой? – спросил Алан.
- Да нет. Это моя бывшая, мы раньше были женаты, давно...
- Покосился на Алана – как там слушатель, увлечен?
- Но у нас не сложилось. Она вышла за другого. Теперь ей скучно, целыми днями шлет мне СМС. В «Фейсбуке» пишет, везде. Муж в курсе и думает, что у нас роман. Есть хотите?
- В смысле, остановиться и поесть?
- Есть одно место в Старом городе.
- Нет, я только что поел. Мы вообще-то опаздываем.
- Ой. Мы торопимся? Мне не сказали. Тогда нам не сюда.
- Юзеф развернулся и поддал газу.

⁶ Статуя древнеримского бога огня и кузнечного дела Вулкана, символ города Бирмингема, штат Алабама, – крупнейшая чугунная статуя в мире (17 м); была отлита для Сент-Луисской всемирной ярмарки 1904 г. по проекту Джузеппе Моретти.

⁷ «Трек» (*The Trek Bicycle Corporation*) – американская компания, крупнейший производитель велосипедов и велооборудования, основана в 1975 г. Ричардом Бёрком и Бевил Хогг, начала производство в 1976 г. в Ватерлоо, штат Висконсин.

IV

Может, и к лучшему, если Кит годик посидит дома. Соседка по комнате у нее странная, худая как швабра, с Манхэттена, приметливая. Примечает, когда Кит ворочается во сне, и желает сообщить, что это означает, как лечить и каковы глубинные причины подобного поведения. Сначала примечает, затем допытывается, подозревает всевозможные трагедии. Приметила у Кит на руках крошечные синяки и давай допрашивать, что за мужик это сделал. Приметила, что у Кит высокий голос, тихонький, почти детский, и объяснила, что нередко это признак сексуального насилия в детстве – голос жертвы застывает в травматическом возрасте. Ты замечала, что у тебя детский голос? – спросила соседка.

– Часто этим занимаетесь? – спросил Алан.

– Людей вожу? Ну так, в свободное время. Я учусь.

– Чему?

– Жизни! – сказал Юзеф и рассмеялся. – Да нет, шучу. Бизнес, маркетинг. В таком духе. Зачем – сам не знаю.

Проезжали огромную детскую площадку и Алан впервые увидел саудовских детей. Семь или восемь, виснут на лазалках, забираются на горки. А с ними три женщины в угольно-черных паранджах. С паранджами он уже сталкивался, но здесь эти тени скользили по площадке за детьми – Алана мороз по коже подрал. Картинка из ночного кошмара: черная текущая тень гонится за тобой, тянет руки. Но Алан ничего не понимал и не сказал ни слова.

– Долго ехать? – спросил Алан.

– В Экономический город короля Абдаллы? Мы же туда?

Алан не ответил. Юзеф улыбнулся. На сей раз пошутил.

– Где-то час. Может, чуть больше. Вам туда к которому часу?

– К восьми. К восьми тридцати.

– Ну, к полудню будете.

– Вам «Флитвуд Мэк»⁸ как? – спросил Юзеф. Он уломал айпод – на вид такой, будто веками был зарыт в песок, а недавно откопан, – и теперь листал список песен.

Они выехали из города и вскоре очутились на шоссе, пересекавшем полнейшую пустыню. Пустыня не из красавиц. Никаких дюн. Неумолимая плоскость. Разрезанная уродливым шоссе. Юзеф обгонял цистерны, фуры. Иногда вдали мелькала серая деревенька – лабиринт бетона и электрических проводов.

Алан и Руби как-то раз ехали через Соединенные Штаты, из Бостона в Орегон, на свадьбу друга. Таковы смехотворные возможности бездетных. То и дело ссорились до крика, в основном из-за бывших. Руби желала обсудить своих, очень подробно. Хотела, чтоб Алан понял, отчего она бросила их ради него, а Алан ничего такого знать не желал. Чистый лист – неужели так сложно? Пожалуйста, хватит, умолял он. Она продолжала, нежилась в своей биографии. Хватит, хватит, хватит, взревел он в конце концов, и от Солт-Лейк-Сити до Орегона не прозвучало ни слова. С каждой безмолвной милей у него прибавлялось сил, а у нее, считал он, – уважения к нему. У него не было иного оружия против нее – только молчание, беспощадность; иногда он оттачивал напористую отрешенность. Ни с кем так не упрявился.

⁸ «Флитвуд Мэк» (*Fleetwood Mac*, с 1967 г.) – британская блюз- и поп-рок-группа.

Таким вот прожил с ней шесть лет. Был гневлив, ревнив, всегда начеку. Ни с кем в нем не бывало столько жизни.

Юзеф снова закурил.

– Не очень-то мужское курево, – заметил Алан.

Юзеф засмеялся:

– Пытаюсь бросить, перешел с нормальных на эти. Они вдвое тоньше. Меньше никотина.

– Но утонченнее.

– Утонченнее. Утонченнее. Мне нравится. Они утонченные, да.

Один резец у Юзефа рос вбок, ложился на другой. Отчего в улыбке проглядывало безумие особого рода.

– Даже пачка, – сказал Алан. – Вы на нее посмотрите.

Серебристо-белая, крошечная, как миниатюрный «кадиллак» насекомого сутенера.

Юзеф открыл бардачок, кинул пачку туда:

– Так лучше?

Алан рассмеялся:

– Спасибо.

Десять минут ни слова.

Он меня вообще куда везет? – размышлял Алан. Может, этот парняга – похититель, просто обаятельный.

– Анекдоты любите? – спросил Алан.

– Анекдоты? Которые запоминаешь и рассказываешь?

– Ну да, – сказал Алан. – Запоминаешь и рассказываешь.

– В Саудии их нет, анекдотов таких, – сказал Юзеф. – Но я слышал. Мне один англичанин рассказывал про королеву и большой член.

Руби анекдоты ненавидела.

– Неловко за тебя, – говорила она после каждого выхода в свет, когда Алан рассказывал то один, а то и десять. Алан знал тысячу, и все, кто знал Алана, знали, что он знает тысячу.

Его даже проверяли – несколько друзей пару лет назад заставили травить анекдоты два часа кряду. Думали, он все запасы истощит, а он только-только разошелся. Сам не знал, почему столько помнит. Но едва закруглялся один, за ним тут же возникал другой. Работало безотказно. Каждый анекдот тянет за собой следующий – как платки у фокусника.

– Кончай эту пошлятину, – говорила Руби. – Ты прямо как на эстраде. Теперь так анекдоты не рассказывают.

– Я рассказываю.

– Анекдоты рассказывают, когда нечего сказать, – говорила она.

– Анекдоты рассказывают, когда *больше* нечего сказать, – отвечал он.

Он такого не произносил. Додумался много лет спустя, но они с Руби тогда уже не разговаривали.

Юзеф побарабанил по рулю.

– Короче, – сказал Алан. – Заболел муж. Валяется несколько месяцев, иногда впадает в кому, жена изо дня в день сидит у его постели. Он просыпается, подзывает ее. Она подходит, садится. Он еле ворочает языком. Берет ее за руку. «Знаешь что? – говорит. – Когда со мной случались беды, ты была рядом. Когда меня уволили, ты меня утешала. Когда мой бизнес прогорел, ты меня подбадривала. Когда мы потеряли дом, ты меня поддерживала. Здоровье

у меня уже не то, но ты по-прежнему со мной... Знаешь что?» «Что, милый?» – нежно спрашивает она. «По-моему, ты мне приносишь несчастье!»

Юзеф фыркнул, закашлялся. Пришлось затушить сигарету.

– Отлично. Неожиданно. Еще знаете?

Алан был так благодарен. Много лет уже не рассказывал анекдоты молодым ценителям.

– Знаю, – сказал он. – Ну, скажем... А, вот хороший. Короче, одного человека звали Так. Джон Так. И свою фамилию он ненавидел. Люди смеялись, его семейство называли Все-Таки, его дразнили Так Тебя Растак – ну, понятно. Он состарился и написал завещание – мол, когда умрет, чтоб никаких надписей на памятнике. Безымянная могила, простой камень, без имени, без ничего. Ну, он умер, жена все сделала, как он просил. И теперь он лежит в безымянной могиле, но все, кто идет по кладбищу и эту безымянную могилу видит, говорят: «Вот так Так».

Юзеф захохотал, аж слезы пришлось утирать.

Алану этот парень нравился. Даже дочь Кит трясла головой – «Нет-нет, только не это», – когда он приступал к анекдоту.

Алан продолжал:

– Короче. Вопрос. Знает сорок восемь способов заниматься любовью, но не знаком ни с одной девушкой – кто такой?

Юзеф пожал плечами.

– Консультант.

Юзеф улыбнулся.

– Неплохо, – сказал он. – Консультант. Это вы.

– Это я, – сказал Алан. – Пока, во всяком случае.

Мимо пролетел небольшой луна-парк, разноцветный, но, кажется, заброшенный. Желто-розовое колесо обозрения стояло в одиночестве и скучало по детям.

Алан вспомнил еще анекдот.

– Вот, этот получше. Короче, полицейский приезжает на место ужасной автокатастрофы. Повсюду валяются ошметки тел, руки, ноги. Он все записывает, потом находит голову. Пишет в блокноте: «Голова на торогуаре», но сам понимает, что ошибся. Вычеркивает, и снова: «Голова на тратуаре». Опять ошибся, буква не та. Опять зачеркивает. И снова: «Голова на тарату...» «Вот блин!» Озирается – вроде никто не смотрит. Пинает голову, вынимает карандаш. «Голова на проезжей части».

– Отлично, – сказал Юзеф, но не засмеялся.

Милую-другую проехали молча. Пейзаж плоский, пустой. Что ни построй здесь, в этой безжалостной пустыне, – все будет актом чистой воли, навязанной не пригодному для жизни краю.

Когда Чарли выволокли из озера, он смахивал на груды мусора. Он был в ветровке, Алан сначала подумал – кучу листы завернули в брезент. Только руки остались человеческими.

– Вам от меня что-нибудь требуется? – спросил Алан полицейских.

Им ничего не требовалось. Они всё видели. Четырнадцать полицейских и пожарных пять часов наблюдали, как Чарли Фэллон умирает в озере.

V

- А вам зачем туда?
- Куда?
- В ЭГКА. – Юзеф произнес «Эгока». Надо запомнить.
- По работе, – сказал Алан.
- Строитель?
- Нет. А что?
- Подумал, может, теперь начнется. А то там тишина. Не строят ничего.
- Вы там бывали?

Алан ждал, что Юзеф скажет «да». Это же крупнейший город в окрестностях Джидды. Наверняка Юзеф его видел.

- Нет, – сказал тот.
- Почему?
- Там ничего нету.
- Но будет, – возразил Алан.
- *Не будет.*
- *Не будет?*
- Никогда, – сказал Юзеф. – Все уже сдохло.

– Да ну? Ничего не сдохло. Я месяцами про него читал. У меня там презентация. Они строятся – полный вперед.

Юзеф повернулся к нему и улыбнулся – широченная улыбка невероятного веселья.

– Погодите, скоро доберемся, – сказал он. Снова закурил. – Полный вперед? – сказал он. – Господи боже.

Как по заказу появился щит с рекламой строительства. Семейство на веранде, фоном – неубедительный закат. Мужчина – саудовец, бизнесмен, в одной руке мобильный, в другой газета. Завтрак мужу и двум оживленным детям подает женщина в хиджабе, скромной блузке и шароварах. Под фотографией лозунг: «Экономический город короля Абдаллы: мечта одного человека, надежда всей страны».

Алан ткнул пальцем:

- Думаете, никогда не будет?
- Да я-то что? Я только знаю, что пока ничего не построили.
- А Дубай? В Дубае построили.
- Здесь не Дубай.
- И не может быть Дубай?

– И не будет Дубай. Какая женщина сюда поедет? Никто не едет в Саудию, если выбор есть, никакими розовенькими домиками у моря не заманишь.

– А реклама? Эта женщина – вроде шаг вперед, – сказал Алан.

Юзеф вздохнул:

– В том и замысел – ну, они так говорят. Даже не говорят, а намекают. Мол, в ЭГКА женщинам станет посвободнее. С мужчинами больше общаться, машину водить. В таком духе.

– Это ведь хорошо?

– Если так будет – пожалуй. Но так не будет. Раньше был шанс, а теперь деньги кончились. «Эмар» лопнул. Разоряется в своем Дубае. Всё переоценили, теперь прогорают. Понаделали долгов по всей планете, ЭГКА сдох. Все сдохло. Сами увидите. Знаете еще анекдоты?

Алан встревожился, но решил это выступление близко к сердцу не принимать. Очернители водятся повсюду, в Саудовской Аравии в том числе. «Эмар», глобальный застройщик, который возвел чуть ли не весь Дубай, сейчас в беде, пал жертвой экономического пузыря, и все понимали, что без личного участия и личных средств короля Абдаллы ЭГКА тоже беды не миновать. Но ведь король вложится. Уж он-то позаботится о том, чтобы проект развивался. Этот город назван его именем. Этот город – его наследие. Абдалле гордость не позволит бросить дело на полпути. Все эти тезисы Алан изложил Юзефу, постаравшись заодно убедить и себя.

– А если помрет? – спросил Юзеф. – Восемьдесят пять все-таки. Тогда что?

Ответа у Алана не нашлось. Хотелось верить, что такое возможно – что города восстают из праха. Он видел архитектурный проект. Величественно. Мерцающие башни, деревья в скверах и на набережных, каналы – почти куда угодно можно добраться на лодке. Футуристический город, романтический, однако реалистичный. Осуществимый – при нынешних-то технологиях, если деньги есть, но уж чего-чего, а денег у Абдаллы навалом. Почему он не вложился сам, без «Эмара», – загадка. У короля хватит бабла выстроить город за ночь – ну и чего он? Порой король должен быть королем.

Впереди на повороте указатель: «Экономический город короля Абдаллы». Юзеф повернулся и пародийно, драматически воздел брови:

– Ну вот и прибыли. Полный вперед!

Они съехали с шоссе и направились к морю.

– Вы уверены, что нам туда? – спросил Алан.

– Куда заказывали, – ответил Юзеф.

Ни следа будущего города.

– Вон там все, что есть, – и Юзеф ткнул пальцем вперед. Дорога была новая, но разрезала пустоту. Проехав с милю, добрались до скромных ворот: пара каменных арок над дорогой, сверху большой купол. словно по прожженной пустыне проложили шоссе, а где-то посередине возвели ворота – мол, здесь заканчивается одно и начинается другое. Обнадеживает, но не убеждает.

Юзеф остановился и опустил стекло. Двое охранников в синих комбинезонах – на плечах небрежно болтаются винтовки – опасно приблизились и обошли машину. Похоже, они никого не ждали, уж точно не рассчитывали увидеть двоих в тридцатилетнем «шеви».

Юзеф с ними поговорил, подбородком указал на пассажира. Охранники наклонились, рядом с водителем увидели американца. Алан мастерски улыбнулся. Один охранник что-то сказал Юзефу, тот повернулся к Алану:

– Ваш паспорт.

Алан отдал ему паспорт. Охранник скрылся в будке. Вернулся, отдал паспорт Юзефу и махнул – проезжайте, мол.

За блокпостом дорога стала двухполосной. На разделительной росла трава, выгоревшая и упорная, еще живая благодаря двум людям в красных комбинезонах, поливавшим ее из шланга.

– Вряд ли профсоюзные, – сказал Алан.

Юзеф мрачно улыбнулся:

– У моего отца в лавке один мужик сказал тут на днях. Дескать, у нас профсоюзов нету, у нас филиппинцы.

Они ехали дальше. На разделительной возникла вереница пальм – недавние посадки, кое-где еще не сняли джут. Через каждые десять пальм – растяжки между фонарными столбами, картины будущего города. На одной человек в дишдаше и с портфелем сходил с яхты, а его встречали двое в черных костюмах и солнечных очках. На другой человек на рассвете замахивался клюшкой для гольфа, а рядом стоял кэди – тоже, очевидно, уроженец Южной Азии. Аэрография великолепного нового стадиона. Проект набережной с высоты птичьего полета – курорт за курортом. Женщина учит сына пользоваться ноутбуком. На женщине хиджаб, но в остальном одежда западная, сплошь сиреневая.

– Что толку рекламировать свободы, если их не планируешь? – спросил Алан. – Это же риск, консерваторы могут озлиться.

Юзеф пожал плечами:

– Да кто его знает? Вот вы же восторгаетесь. Может, и есть толк.

Дорога распрямилась и снова рассекла пустыню, лишенную черт и форм. Через каждые футов двадцать уличный фонарь, но в остальном пусто – будто недавно заброшенная стройка на Луне.

Еще миля к морю, и снова появились деревья. Под пальмами кучковались рабочие, одни в касках, у других шарфы на головах. Вдали, в нескольких сотнях ярдов от воды, дорога упиралась в дома, похожие на старые надгробия.

– Вот, собственно, и все, – сказал Юзеф.

Из пустыни задувало, пыль туманом заволакивала улицу. Что не мешало двум рабочим подметать.

Юзеф ткнул пальцем, засмеялся:

– Вон куда утекают денежки. Тут песок в пустыне подметают.

VI

Весь город состоял пока из трех зданий. Пастельно-розовый жилой дом, в целом достроенный, но, кажется, необитаемый. Двухэтажный центр приема гостей, приблизительно в средиземноморском стиле, вокруг фонтаны – в основном пересохшие. И стеклянное офисное строение этажей в десять, приземистое, приплюснутое и черное. На фасаде вывеска: «7/24/60».

Юзеф только отмахнулся:

– То есть открыты семь дней в неделю, круглосуточно и ежеминутно. Что-то я сомневаюсь.

Припарковались у низкого гостевого центра, неподалеку от пляжа. На крыше торчат всякие минаретики и куполки. Вышли из машины – жара нещадная. 110 градусов⁹.

– Хотите зайти? – спросил Алан.

Юзеф стоял у входа – как будто решал, имеет ли смысл тратить время на то, что внутри.

– Впишете в мой счет, – прибавил Алан.

Юзеф пожал плечами:

– Ну что, позабавимся.

Автоматические двери распахнулись наружу, и появился некто в ослепительно-белой дишдаше.

– Мистер Клей! Мы вас ждали. Я Сайед.

Щеки впалые, усы раскидистые. Глазки смеются.

– Жалко, что вы пропустили автобус, – сказал он. – Я так понял, портье вас не добудился.

– Простите, что опоздал, – сказал Алан, остекленев глазами.

Сайед радушно улыбнулся:

– Сегодня король не прибудет, посему ваше опоздание несущественно. Пойдемте?

Они вошли в темную прохладу.

Алан огляделся:

– А «Надежна» уже здесь?

– Они в зоне презентаций, – ответил Сайед, махнув рукой куда-то в сторону пляжа. Акцент британский. Алану говорили, что высокопоставленные саудовские чиновники – все как один выпускники Лиги Плюща и британских вузов. Этот, судя по говору, из Сент-Эндрюса¹⁰. – Но я предполагал устроить вам экскурсию, – сказал Сайед. – Вам это по душе?

Алан предпочел бы хоть показаться на глаза команде, однако промолчал. Экскурсия – это нестрашно и к тому же наверняка быстро.

– Конечно. Давайте.

– Замечательно. Соку?

Алан кивнул. Сайед повернулся к помощнику взял бокал апельсинового сока, протянул Алану. Бокал хрустальный, похож на потир. С бокалом в руках Алан пошел за Сайедом по вестибюлю – повсюду своды и картины будущего города – в большой зал, весь занятый громадным архитектурным макетом высотой по пояс.

⁹ Около 43 °С.

¹⁰ Университет Сент-Эндрюса – шотландский университет, расположенный в Сент-Эндрюсе, Файф, один из старейших англоязычных университетов мира (осн. ок. 1410), считается одним из самых престижных университетов Великобритании.

– Это мой помощник Муджаддид. – Сайед указал на человека в черном костюме, подпиравшего стену. Лет сорока, кряжистый, чисто выбритый. Муджаддид кивнул. – Перед вами город по завершении строительства.

Вступил Муджаддид:

– Представляю вам, мистер Клей, мечту короля Абдаллы.

Кремовые зданьица на макете – не больше пальца, меж ними плавно вьются белые дорожки. Небоскребы, заводы и деревья, мосты и каналы, тысячи жилых домов.

Алан терял волю перед макетами – тридцатилетний план развития, нечто из ничего, – хотя его опыт воплощения грез в реальность особым успехом не увенчался.

Однажды он тоже заказал макет. Когда вспоминал, внутри вздрагивало сожаление. Будапештский завод – не его замысел, но Алан в него вцепился, думал, это шаг к великому будущему. Однако перепрофилировать завод советской постройки под «Швинн», превратить в образчик капиталистической эффективности – нет, это безумие. Алана отправили в Венгрию поднять завод, вывести производство американских велосипедов на восточноевропейский рынок, раздобыть «Швинну» целый континент.

Алан заказал масштабную модель, провел грандиозное открытие, всех пьянили надежды. Может, будем торговать венгерскими великами и вне Европы. Может, начнем импортировать их обратно в США. Затраты ничтожны, мастерство велико. Таковы были посылки.

Но все рухнуло. Завод так и не достиг полной мощности, рабочие трудились кое-как и не поддавались обучению, а у «Швинна» не нашлось средств на модернизацию оборудования. Колоссальный провал, и дни Алана, продуктивного сотрудника «Швинна», были сочтены.

Однако сейчас, перед макетом, у Алана возникло впечатление, что ЭГКА осуществим, – что с деньгами Абдаллы он *осуществится*. Сайед и Муджаддид смотрели на макет вместе с ним, тоже, видимо, замороженные, и описывали этапы строительства. Город, сказали они, будет закончен к 2025 году; население составит полтора миллиона.

– Поразительно, – сказал Алан. Оглянулся на Юзефа – тот бродил по вестибюлю. Алан поймал его взгляд, кивком поманил, но Юзеф тряхнул головой – мол, еще не хватало.

– Мы сейчас вот здесь, – сказал Муджаддид.

И указал на здание прямо у него под носом – один в один гостевой центр, только размером с виноградину. На макете гостевой центр стоял на длинной набережной. На стене второго этажа вспыхнула красная точка, будто здание примеривался уничтожить космический корабль.

Алан допил сок, а бокал девать некуда. Стола поблизости нет, человек с подносом исчез. Алан рукавом протер доньшко и пристроил бокал на Красное море, в полумиле от берега. Сайед любезно ослабил, забрал бокал с макета и вышел.

Муджаддид сумрачно улыбнулся:

– Хотите посмотреть кино?

Алана и Юзефа препроводили в высоченную залу, сверкающую зеркалами и сусалью – перед огромным экраном, закрывшим целую стену, рядами выстроились желтые кушетки. Сели, в зале стемнело.

Женский голос с резким британским акцентом возвестил:

– Вдохновляясь уникальным водительством и великой дальновидностью короля Абдаллы... – Компьютерная модель городского макета ожила и заблестала в ночи. Камера

нырнула ниже, пролетела над роскошным хребтом огней и черного стекла. – Мы представляем рождение нового центра мировой экономики...

Алан покосился на Юзефа. Хотелось, чтобы Юзеф восхитился. На этот фильм наверняка потрачены миллионы. Юзеф листал сообщения в телефоне.

– ...С целью диверсифицировать крупнейшую экономику Ближнего Востока...

На улицах ЭГКА настало утро: моторки мчались по каналам, на берегу бизнесмены пожимали друг другу руки, контейнерные суда прибывали в порты и, видимо, развозили по миру всевозможную продукцию, произведенную в ЭГКА.

– Межарабское финансовое сотрудничество...

Появились флаги – Иордания, Сирия, Ливан, ОАЭ. Затем эпизод о строительстве мечети на двести тысяч верующих. Мелькнула лекция в колледже – по одну сторону аудитории женщины, по другую мужчины.

– Город, который никогда не спит...

Порт на десять миллионов контейнеров в год. Отдельный терминал для паломников – на триста тысяч человек в сезон. Гигантский спортивный комплекс, распахнувшийся раковиной.

Тут Юзеф заинтересовался. Склонился к Алану:

– Стадион похож на вагину. Неплохо.

Алан не засмеялся. Его купили с потрохами. От фильма захватывало дух. Великолепный город, ничем не хуже Парижа. И здесь есть место «Надежде»: передача данных, видео, телефоны, сети, радиочастотная идентификация контейнеров, техническое обеспечение больниц, школ, зданий суда. Возможности безграничны – Алану с Ингваллом и не снилось. Фильм достиг крещендо: камера взлетела в небеса, показала мерцающую ночную панораму Экономического города короля Абдаллы, расцветшую фейерверками.

Зажегся свет.

Они по-прежнему сидели в зале с зеркалами и желтыми кушетками.

– Неплохо, а? – сказал Муджаддид.

– Весьма, – ответил Алан.

Глянул на Юзефа – у того морда кирпичом. Если Юзефа и подмывало схохмить, усомниться, – а его явно подмывало, – в этом зале, при свете, он придержал язык.

– А теперь посмотрим план промышленного района, – сказал Сайед.

И они перешли в зал, сплошь увешанный изображениями заводов, складов, грузовиков на рампах. По плану, объяснил Сайед, в городе будут выпускать то, для чего используется саудовская нефть, – пластмассу, игрушки, даже подгузники – и экспортировать по всему Ближнему Востоку. Может, еще в Европу и Штаты.

– Насколько я понимаю, вы раньше и сами занимались производством? – спросил Сайед.

Алан опешил.

– Мы тщательно готовимся, мистер Клей. И я катался на «швинне» в детстве. Лет пять жил в Нью-Джерси. А на факультете бизнеса мы разбирали «Швинн».

Ну как же – разбор полетов. Алан их тоже не избежал, но со временем они стали нагонять тоску. Молодые умники прикидываются записными дельцами, сыплют вопросами. Как же вы не предвидели популярности ВМХ? А горные велосипеды? Вас же в порошок стерли в этом сегменте. Вы закупали рабсилу в Китае – как думаете, зря? И это спрашивают детки, чей опыт бизнеса ограничивается летней стрижкой газонов. Как ваши поставщики превратились в конкурентов? Риторический вопрос. Хочешь снизить себестоимость, открываешь производство в Азии, раз-два – и поставщикам ты больше не нужен. Научи человека

ловить рыбу. Теперь китайцы обучены рыболовству и выпускают девяносто девять процентов всех велосипедов, в одной провинции.

– Но поначалу было интересно, – сказал Сайед. – Когда в Чикаго выпускали «швинны», в Англии «роли», итальянские велосипеды, французские... Международная конкуренция, было из чего выбирать – разная продукция, с разным наследием, чувствительностью, технологиями производства...

Это Алан помнил. Славные были времена. По утрам смотрел, как велосипеды – сотни велосипедов, разноцветных, как мороженое, – грузят в кузова на вестсайдском заводе. Садился в машину, ехал на юг, за полдень прибывал в Мэттоун, или Рэнтоул, или Олтон, проверял, как идет торговля у дилеров. Наблюдал, как заходит семья, мама с папой выбирают «уорлд спорт» десятилетней дочке, и девчонка гладит велик, точно священную реликвию. Алан знал, и продавец знал, и семья знала, что этот велик сделан вручную в нескольких сотнях миль к северу головокружительной толпой рабочих, в основном иммигрантов – немцев, итальянцев, шведов, ирландцев, полно японцев и, само собой, куча поляков, – и что велик этот проживет плюс-минус вечность. Почему это было важно? Почему важно, что их выпускали дальше по 57-му шоссе? Да кто его знает. Но Алан работал хорошо. Это ведь несложно – продавать такой товар, весомую, неотъемлемую деталь тысяч детских воспоминаний.

– Ну, это все закончилось, – сказал он, надеясь свернуть тему.

Сайед тему не свернул.

– А теперь на одинаковые велосипеды лепят разные стикеры. Все собраны на нескольких фабриках – все бренды, какие только есть.

Ну что тут ответишь? Возразить нечего. Лучше бы продолжить экскурсию, но в Сайеде проснулся студент бизнес-факультета – разбор полетов его увлек.

– А вы могли бы поступить иначе?

– Я? Лично я?

– Ну да, лично вы на своем месте. Могло бы все сложиться по-другому? Мог бы «Швинн» выжить?

Мог бы. Мог бы. Алан взвесил эти слова. Еще раз их услышит – и заедет Сайеду в табло. Тот ждал ответа.

– Все было непросто, – пробубнил Алан.

Это тоже не впервые. Люди оплакивали «Швинн».

Считали, что все разбазарили менеджеры – болваны, вот вроде Алана. «Швинн» восемьдесят лет держал львиную долю американского рынка – как он мог обанкротиться и уйти с молотка за бесценок? Как это так? А как еще? Руководство «Швинна» не сдавалось, продолжало выпускать велосипеды в США. Есть мнение, что это была ошибка номер раз. До 1983 года «Швинн» цеплялся за Чикаго. Хотелось схватить этого делового индюка за грудки и хорошенько встряхнуть. Ты вообще представляешь, как это было трудно – держаться аж до 1983-го? Собирать велосипеды – очень сложные, очень трудоемкие машины – на столетнем заводе в чикагском Вест-Сайде?

– Алан?

Алан поднял голову Юзеф.

– Экскурсия. Вы идете? Не *могли бы* пойти?

Сайед ждал у дальней стены.

– Пойдемте наверх, – сказал он.

Два пролета – и они над зарождающимся городом. Из смотровой комнаты открывался круговой обзор; Алан переходил от окна к окну. Черновой набросок, это правда, но отсюда смотрелось прекрасно. Проступал смысл. Красное море бирюзово, чуть рябит, ветерок подгоняет волны. Песок почти белый, очень мелкий. Крытая плиткой набережная, изви-

ваясь, уходит вдаль, отделяет пляж от розового жилого дома и – теперь Алан разглядел – еще нескольких фундаментов. Пальмы торчат по всей стройке и вдоль ближайшего канала, небесно-голубого и чистого – питается морем, рассекает город, уходит на восток. То, что с шоссе на подъезде к городу казалось неразберихой, теперь сложилось в четкий план. Кипела жизнь, повсюду строители в ярких комбинезонах, работа движется. Увидев проект с такого ракурса, любой инвестор уверится, что стройка завершается с немалым вкусом и – во всяком случае, так решил Алан – достойной восхищения скоростью.

– Нравится? – спросил Муджаддид.

– Нравится, – ответил Алан. – Вы только посмотрите. Всем городам нужны реки.

– Это точно, – сказал Муджаддид.

Юзеф, стерев с физиономии цинизм, тоже глядел через стекло. Он откровенно наслаждался видом.

Сайед и Муджаддид отвели Алана и Юзефа к лифту. Спустились на два этажа, двери открылись в подземном гараже.

– Сюда.

Сайед подошел к внедорожнику. Все расселись. Внедорожник пах как новый. Выехал на рампу, затем снова на свет. Резко свернул влево – и они у воды; еще пара секунд – и машина остановилась.

– Приехали, – сказал Муджаддид.

Одолели они двести ярдов. Перед ними возвышался гигантский шатер, тугой и белый, – на свадьбах и народных гуляниях такие ставят.

– Спасибо, – сказал Алан, снова выходя на жару.

– Ну что, в три часа? – сказал Сайед.

Видимо, в какой-то момент заходила речь о совещании.

– Да, – сказал Алан. – В центральном корпусе или в гостевом центре?

– В корпусе, – сказал Сайед. – Встречаетесь с Каримом аль-Ахмадом. Он ваше основное контактное лицо.

Алан озадаченно разглядывал шатер. В шатре виниловая дверь.

– Мои сотрудники там? – спросил он.

– Да, – сказал Муджаддид. Ни сомнений, ни смущения.

– В шатре, – сказал Алан.

Невероятно же. Наверняка ошибка.

– Да, – сказал Муджаддид. – Ваша презентация пройдет в презентационном шатре. Все, что вам понадобится, там есть.

Он захлопнул дверцу, и машина уехала.

Алан повернулся к Юзефу:

– Вас, наверное, пора отпустить.

– Вы сами обратно доберетесь?

– Да, у нас автобус какой-то.

Они уговорились о цене, и Алан уплатил. Юзеф написал на визитке много цифр.

– Вдруг опять автобус пропустите, – пояснил он.

Они пожали друг другу руки.

Воздев брови, Юзеф обозрел шатер.

– Полный вперед, – сказал он и ушел.

VII

В шатре никого. Огромная пустота, воняющая потом и пластиком. Пол застелен персидскими коврами – десятками ковров, внахлест. Штук тридцать складных стульев – как будто здесь была свадьба и гости только что разошлись. В углу сцена – там будут стоять колонки и проекторы.

В дальнем углу три фигуры – темные, ссутуленные, уставились в серые экраны ноутбуков. Алан направился туда.

– А вот и он! – грохнул голос.

Брэд. В хаки и свежайшей белой рубашке, рукава закатаны. Встал обменяться рукопожатием, от души покорежил Алану кисть. Коренастый, плотный, ноги колесом – похож на борцовского тренера.

– Привет, Брэд. Рад тебя видеть.

Рейчел и Кейли тоже поднялись. Абайи они скинули, остались босиком, в шортах и маечках. Кондиционер в шатре работал, но до комфортной температуры недотягивал. Молодежь потно блестела.

Они ждали, что скажет Алан. Он не знал, что сказать. С этими троими он был знаком шапочно. Встретились мельком три месяца назад в Бостоне по настоянию Эрика Ингвалла. Составили план, прикинули обязанности, графики и цели. Получили и подписали бумаги – отказы от претензий: обещают соблюдать законодательство КСА, а если нарушат закон и будут признаны виновными, подлежат наказанию, как и все прочие. В списке возможных последствий определенных преступлений, включая адюльтер, подчеркнуто упоминалась казнь, и все они подписались, несколько ослабев коленками.

– Как тут у вас, ребят? Нормально? – спросил Алан.

Ничего лучше ему в голову не пришло. Он еще не переварил тот факт, что все они сидят в шатре.

– Ничего, только вай-фай не ловится, – ответила Кейли.

– Из Черного Ящика слабенько добывает, – прибавил Брэд, кивнув на офисное здание «7/24/60» – оно стояло повыше. Уже и прозвище сочинили.

– Кто вас разместил в шатре?

Ответила Кейли:

– Мы приехали, и нам сказали, что презентации будут здесь.

– В шатре.

– Ну, как бы да.

– А вам сказали, – вмешалась Рейчел, – почему мы – ну, здесь? А не наоборот в центральном корпусе?

– Мне не сказали ничего, – ответил Алан. – Может, все поставщики тут будут.

Он думал, здесь десяток других компаний, все суетятся, готовятся, все бурлит в предвкушении королевского визита. Но они черт знает где, одни, в темном шатре – это как?

– Ну, может быть, – сказала Рейчел и прикусила щеку изнутри. – Но тут больше никого нет.

– Значит, мы первые, – сказал Алан, симулируя беспечность.

– Странно просто – мы же «Надежна», а сидим тут, – вслух удивился Брэд. Верный корпоративщик, весьма компетентный молодой человек, которому, вероятно, до сего дня не приходилось отклоняться от внушенных и наизусть заученных сценариев.

– Новый же город. Неизведанная территория, – сказал Алан. – Вы узнавали про вай-фай?

– Пока нет, – сказала Кейли. – Вас ждали.

– И сигнал сначала был приличный, – прибавила Рейчел. С этими словами она отбыла в глубины шатра, будто надеялась, что сигнал вернется, услышав, что о нем заговорили.

Алан глянул в экран Кейли, увидел концентрические круги сигнала – в основном серые, не черные. Для голографической презентации нужен проводной канал или хотя бы мощный сигнал – слабого и тормознутого не хватит.

– Ну, я спрошу. Остальное-то уже ставите?

– Пока нет, – поморщился Брэд. – Мы типа надеялись, что это временно. Здесь презентацию проводить не очень.

– Вы тут сидели и ловили сигнал?

– Пока да, – сказала Кейли, только сей час, видимо, сообразив, что можно было и поработать.

Из темноты в углу вмешалась Рейчел:

– И сигнал сначала был приличный.

– Ага. С час назад, – согласилась Кейли.

VIII

Алан здесь не просто так, верно? В шатре, в сотне миль от Джидды, но и вообще – на Земле, в мире живых? Смысл так часто ускользал. Так часто требовал археологических раскопок. Смысл его жизни – юркие грунтовые воды в сотнях футов под землей, и порой он забрасывал ведро в колодец, наполнял, вытаскивал и пил. Но хватало ненадолго.

О смерти Чарли Фэллона говорили в новостях по всей стране. С утра одетым вошел в озеро. Алан видел его в воде по щиколотку и ничего такого не подумал. Трансценденталист лезет в грязь.

Алан уехал.

Но Чарли заходил глубже. Постепенно. Другие соседи видели его в воде по колено, по пояс. Никто ни слова не сказал.

Наконец он зашел в воду по грудь, и Линн Мальяно вызвала полицию. Полиция приехала, приехали пожарные. Стояли на берегу и орала на Чарли. Велели выходить. Но за ним никто не полез.

Потом полицейские и пожарные говорили, что из-за сокращения бюджета их не обучали проведению таких спасательных операций. Лезть в воду за Чарли – это большая ответственность. И кроме того, говорили они, он же стоял. Вроде все с ним нормально было.

Наконец какая-то старшеклассница подплыла к нему на крышке. Чарли Фэллон уже посинел и не откликался.

Старшеклассница завизжала. Тут полицейские с пожарными достали инвентарь и вытащили Чарли на берег. Давили ему на грудь, но он уже умер.

– Алан?

Брэд смотрел на него в тревоге.

– Ага, – сказал Алан. – Давай снаружи глянем.

И пошел к выходу. Рейчел и Кейли двинулись было за ним, но Брэд их не пустил.

– Вам, – сказал он, – нельзя выходить в таком виде.

А они ответили, что им и внутри хорошо – хотя бы прохладно.

Алан и Брэд вышли из шатра. Сощурились под жарким солнцем, поискали что-нибудь похожее на вышку или провода.

– Вон там, – сказал Брэд и показал на розовый дом со спутниковой тарелочкой на боку. Зашагали к дому.

– Нам что нужно-то? – спросил Алан.

Брэд – инженер, и технические вопросы Алан рассчитывал делегировать ему.

– Глянуть, подключена ли она? – отвечал Брэд.

Алан покосился на Брэда – он серьезно? Брэд серьезно.

Вроде подключена. Но от тарелки до шатра ярдов тридцать, – скорее всего, пользы не будет. Они еще постояли, шурясь и озираясь. Стайки рабочих в красно-фиолетовых комбинезонах укладывали кирпич на набережной, сметали песок.

– Это вон башня? – спросил Алан. На набережной высилась двухэтажная металлическая конструкция, помесь флюгера с нефтяной вышкой. Они подошли ближе и не увидели никаких проводов. Непонятно, будет ли толк. Они вернулись в шатер, так и не разобравшись.

Рейчел и Кейли сидели в темноте по разным углам, скрючившись над ноутбуками, точно мамыши над младенцами.

- Ну как? – спросил Брэд.
- Да так, – сказала Кейли. – То есть, то нет.
- Почту удалось отправить? – спросил Брэд.
- Пока нет, – сказала Рейчел.

После жары требовалось передохнуть; Алан взял складной стул, сел. Брэд сел рядом.

– Мы пытаемся Кариму написать – это наше контактное лицо, – сказал Брэд.

- А где он?
 - Вроде бы где-то здесь.
 - В корпусе? В Черном Ящике?
 - По-моему, да.
 - А сходить туда не пробовали?
 - Пока нет. Я в эту жару не полезу, если не припрет.
- И они остались сидеть в шатре.

IX

Эрик Ингвалл – дурацкая эта рожа. Сидит за длинным гранитным столом, читает отчет Алана, поджав уродские губки. Хотелось засандалить ему по морде. Лупить по этой приторной физиологии, пока уважать не научится.

– Ты уж в этот раз, пожалуйста, соберись, – сказал Ингвалл.

Ингвалл – чемпион среди дотошных. Если что ему не нравилось, лицо его тужилось мучительной гримасой. Отчет Алана по ЭГКА его не устраивал. Алану поручили что-нибудь подготовить перед командировкой – общий обзор ЭГКА, каковы перспективы «Надежны», – и Алан подготовил. Сдал отчет раньше срока, написал гораздо больше и подробнее, чем Ингвалл просил.

– Но у тебя столько вопросов осталось без ответа, – сказал Ингвалл, болезненно кричась. – Это меня смущает.

Алан усмехнулся и объяснил, что в отчете нет ответов, потому что он еще не съездил в Саудовскую Аравию и не может гадать о реальном положении дел, не говоря уж о намерениях Абдаллы.

– Это продажи, – с улыбкой сказал Алан. – Прикидываешь, планируешь, потом едешь на место, все меняется, но ты продаешь.

Ингвалл не улыбнулся и не согласился.

– Докажи мне, что посылать надо тебя, – сказал он. – Ты уже давненько на скамье запасных, я хочу быть уверен, что ты в форме. Что ты игрок.

Алан глянул в окно на гавань.

Предки Алана приехали в Америку из Ирландии во время голода. Три брата отплыли из графства Корк и в 1850 году высадились в Бостоне. Сначала выпускали латунные пуговицы, пуговицы превратились в целую литейную в Южном Бостоне, где чего только не производили – трубы, клапаны, бойлеры, радиаторы. Нанимали других ирландцев, потом немцев, поляков и итальянцев. Бизнес процветал. Братья понастроили себе летних резиденций на побережье. Нанимали детям учителей, дети учили латынь и древнегреческий. Весь Бостон увешан табличками с их именами. Церкви, больничные корпуса. Потом Депрессия, все начали заново. У отца Алана не было дачи в Чэтеме. Он бригадировал на фабрике «Страйд Райт» в Роксбери. Неплохо поднялся, сбережений хватило на колледж для Алана. Но Алан бросил колледж, пошел торговать в «Фуллер Браш», потом велосипедами, и неплохо поднялся, все было прямо замечательно, пока он сотоварищи не решили нанять людей на другом краю земли – создавать то, что они тут продавали, и вскоре Алан остался без товара, а теперь вот сидит в конференц-зале над гаванью, смотрит, как морщится Эрик Ингвалл, который ему задолжал и сам это понимает.

– Я считаю, это верняк, – сказал Алан.

– Вот я о том и говорю, – ответил Ингвалл. – Твоя самоуверенность не внушает уверенности мне.

Х

Кейли подтащила стул:

– Ну. Как думаете, он много народу с собой привезет?

– Кто? – спросил Алан.

– Король.

– Не знаю. Человек десять. Или больше.

– Думаете, он сам все решает по ИТ?

– Я почти уверен. Его именем весь город назван.

Подтянулась Рейчел.

– А вы с ним знакомы? – спросила она.

– Я? Нет. Я лет двадцать назад был знаком с его племянником.

– Он был принц?

– Ну да. И остается.

– А он сюда приедет?

– Он – нет. Он в Монако. Бизнес почти забросил. Летает по миру, деньги раздает на всякие полезные дела.

Алан вспомнил Джалави. Своеобразное лицо. Рот перекошен, будто нарисован дрожащей рукой, и от этого лицо насмешливо кривилось. Но он был очень искренний, очень любознательный и в любую минуту готов разрыдаться. Вечно плакал. Вдовы, сироты – от любой истории глаза на мокром месте, а бумажник нараспашку. Джалави рекомендовали ограничить общение с людьми. С кем ни столкнется, к любому привяжется, любого попытается преобразить. Говорят, умирает от рака кости.

– Но все равно, – сказал Алан. – Король Абдалла сегодня не приедет. Можете выдохнуть.

Они посидели молча. Рейчел и Кейли явно не терпелось вернуться к ноутбукам, но воспитание требовало побеседовать с Аланом, старшим членом команды, человеком таинственного происхождения, предположительно важной птицей.

– Джидду уже видели? – спросила Рейчел.

– Нет, пока не успел.

– Поспать удалось? – спросила Кейли.

Алан сказал правду: не спал почти шестьдесят часов, уснул около шести утра. Все трио посоветовало ему вернуться в отель и отдохнуть. Они тут сами сегодня управятся.

– Что-нибудь снотворное у вас есть? – спросила Кейли.

– Ничего. Побоялся, что меня на таможне расстреляют. А у вас?

У них тоже не было.

– Я тут подумал, – сказал Брэд. И глянул на Алана, словно сама эта концепция – думать – требовала полевых испытаний. Алан постарался изобразить ободрение. – Ну, я хотел сначала спросить вас, – пояснил Брэд, – но я подумал: может, звякнуть в центральный офис, сказать, что условия здесь так себе?

Алан посмотрел на Брэда – долго, молча. Как ему внушить, что это отвратительная идея? Надо как-то внушить.

– Отличная мысль, – сказал Алан. – Но давай пока отложим.

– Ладненько, – сказал Брэд.

– У меня в три встреча с Каримом аль-Ахмадом, – сказал Алан. – Наверняка там все и разъяснится.

Молодежь закивала, потом все посидели, ничего не говоря. Начало первого. А впечатление такое, будто они уже которые сутки торчат в этом шатре.

– А мы знаем, где тут едят? – спросила Кейли.

– Я не знаю, – ответил Алан. – Но я выясню.

Пытаясь, видимо, спасти настроение, Рейчел склонилась ближе:

– Но должна сказать, тут просто изумительно. Видели тренажерный зал в отеле?

Брэд видел, Кейли не видела.

– Там бедренный тренажер есть, – сказала Рейчел. – «Наутилус».

И так миновали еще двадцать минут – за разговором о том, почему их положение ново, странно, идеально, хотя, может, и не вполне. Они раздумывали, принесут ли им поесть. Не надо ли сходить за едой в Черный Ящик. Или стоило захватить еду с собой.

Кейли похвасталась, что у нее новый телефон, и всем его показала. Повела, как искала, куда бы выбросить старый, и в конце концов просто кинула в мусорную кучу.

Алан вскоре потерял нить. Стал задремывать, загляделся в полиэтиленовое окошко. За окошком проступали бледные картинки – песок, море. Хотелось уйти туда, на свет, в жару.

Он поднялся.

– Пойду разберусь, что творится, – сказал он, одергивая рубашку. Пообещал, что решит проблему питания, вай-фая, их пребывания в виниловом шатре на морском берегу.

XI

Вышел – шандарахнула жара – и зашагал к Черному Ящику По набережной, к стеклянному зданию, огибая недостроенные участки, кучи грунта, штабеля кирпича, груды инструментов. Перепрыгнул пальму, ожидающую посадки, пересек дорогу, остановился перед офисным корпусом. До двери – ступеней сорок, и когда Алан их одолел, впору было выжимать рубашку.

Вестибюль ярко освещенный, блестящий, кондиционированный, полы светлого дерева. Похоже на скандинавский аэропорт.

– Я могу быть вам полезна?

Справа за полукруглым столом черного мрамора сидела девушка в небрежно повязанном шарфе.

– Здравствуйте, – сказал Алан. – Как вас зовут?

– Меня зовут Маха, – сказала она. Черные глаза, орлиный нос.

– Здравствуйте, Маха. Меня зовут Алан Клей, я из «Надежна Системз». У меня в три часа встреча с Каримом аль-Ахмадом, и...

– Ой, вы слишком рано. Сейчас начало третьего.

– Да, я знаю. Но я из «Надежны», и мы сидим в шатре на берегу, и у нас нет вай-фая, а без него мы не можем провести презентацию.

– Ой, про вай-фай я ничего не знаю. Вряд ли в шатре будет вай-фай.

– В том-то и беда. Можно мне с кем-то это обсудить?

Маха энергично закивала:

– Да, это надо с господином аль-Ахмадом. Он отвечает за презентации в шатре.

– Замечательно. Он на месте?

– Боюсь, что нет. Он, наверное, прибудет к вашей встрече. Он почти весь день в Джидде.

Дискутировать бесполезно. До встречи с аль-Ахмадом всего час.

– Спасибо, Маха, – сказал Алан и ушел.

В шатер не вернешься. Новостей нет, но если не показываться молодежи на глаза до самой встречи, они подумают, что все это время Алан сидел и беседовал с аль-Ахмадом и проблемы были решены.

Вновь ступив под жаркий свет, он вспомнил про еду. Он не спросил про еду. Но теперь и в Черный Ящик не вернешься. Жалкое зрелище – настырный потный человек с кучей вопросов, к тому же забыл ключевую проблему питания. Нет, он обо всем спросит в три часа. А до тех пор молодежь пускай потерпит.

Он зашагал по набережной, по извилистой кирпичной инкрустации, размышляя. Ему пятьдесят четыре. Он в белой рубашке и хаки, идет по дороге – вероятно, будущему приморскому бульвару. Он бросил свою команду, трех молодых людей, которым поручено установить и показать королю голографические коммуникации. Но короля нет, а они одни сидят в шатре, и неизвестно, когда же положение наладится.

Чуть не грохнулся. Наступил в дыру, куда еще не лег кирпич. Не упал, но вывихнул лодыжку – очень больно. Постоял, попытался стряхнуть боль.

Все тело в шрамах от аварий последних пяти лет. Алан стал неуклюж. Бился головой о шкафы. Прищемлял руки автомобильными дверцами. Поскользнулся на обледенелой стойке и потом месяцами ходил как деревянный. А когда-то был элегантен. Ему однажды ска-

зали, что он элегантен, – много десятилетий прошло. Стояло лето, теплый ветер, Алан танцевал. Пожилая женщина, незнакомая, но слово застряло в голове, дарило утешение. Если некогда пожилая женщина сочла его элегантным – это что-то значит?

Он вспомнил Джо Триволи. В первый день, у первой двери тот велел сообщить жилище, что к ней пришли с визитом. Алан инстинктивно потянулся к звонку.

– Нет-нет, – сказал Триволи и постучал – поспешный и жизнерадостный музыкальный рифф. Обернулся к Алану. – Чужак звонит, друг стучит, – пояснил он. Дверь отворилась.

За сеткой стояла растерянная женщина. Лет пятидесяти, седая и всклокоченная, очки на медной цепочке. Алан глянул на Триволи – тот улыбался, будто столкнулся с любимой училкой из первого класса.

– Здравствуйте! Как ватин дела?

– Нормально. Вы кто? – сказала она.

– Мы представляем компанию «Фуллер Браш» из Ист-Хартфорда, штат Коннектикут. Вы слышали о «Фуллер Браш»?

Женщина развеселилась:

– Ну естественно. Но вас, ребята, я уже много лет не встречала. Всё бродите, а?

– Всё бродим, мэм. И я буду вам премного благодарен, если вы уделите нам буквально несколько секунд в такой прекрасный денек.

Триволи оглядел двор, деревья, голубое небо. Затем снова повернулся к двери и зашаркал ногами по коврику. Женщина машинально попятилась и шире открыла дверь. Она не приглашала Триволи и Алана в дом, но теперь пропускала – лишь потому, что Триволи вытер ноги. Будто на гипнотизера смотришь, на фокусника: Алан вдруг увидел, что в мире водятся люди, для которых прочие люди и вообще мир – всего-навсего объекты заклинаний.

Алан шел дальше по недоделанной дорожке. Приблизился к розовому дому, рассмотрел. Сотни раз видел такие на флоридских побережьях. Безликий, огромный; широкое плоское лицо уныло и упрямо взирало на море. Наверняка сотни три квартир.

Заглянул в окна – зрелище обнадеживало. Первый этаж нежилой, и будущие съемщики кое-где уже пометили территорию. Пиццерия «Уно», «Вольфганг Пак». Быть может, однажды здесь появятся люди – станут жевать, смеяться, изображать жизнь.

У него все получится. Он вспомнил свой серебристый велик – свой прототип. Красавец. Все серебристое и хромовое, даже трансмиссия, даже сиденье. Покажите мне творение прекраснее. Прототип так блестел, сверкал с таким вызовом – из космоса видно.

Алан привел Кит посмотреть на прототип.

– Это ты его собрал? – спросила она.

– Ну, его собрали для меня. Я помогал его сконструировать.

– Потрясающе, – сказала она. – И ты на нем можешь ездить?

– И не только я.

Она погладила прототип, попятилась, оглядела его целиком, оценила.

– *Очень хорошо*, пап.

Вернется в отель и напишет Кит письмо. Несколько дней назад она прислала великолепный трактат – шесть страниц аккуратным почерком, в основном проклинала мать, больше не желала с ней знаться. Теперь Алан в странном положении – вынужден защищать женщину, которая так часто и так бездумно пробивала в нем дыры, что ему еще повезло, если он хотя бы издали кажется целым. Кит обличала, выносила окончательный приговор – ее письмо документировало, оправдывало, прославляло финал ее отношений с матерью.

Так дело не пойдет. Нужно залатать дыру. Алан не желал быть отцом-одиночкой. И опасался – точнее, знал, – что, признав недостойной мать, Кит, используя те же инструменты оценки, сочтет непригодным и Алана. Всему есть предел. Надо поддержать Руби.

Алан и Кит переписывались годами. Первое письмо – когда Руби задержали за нетрезвое вождение. Алан хотел обрисовать дочери контекст. Хорошее письмо, пап, сказала она тогда. И с тех пор Алан записывал для нее свои мысли, по три-четыре страницы, и, как выясняется, не напрасно. Кит говорила, что во дни сомнений перечитывает эти письма. Они остужали ее злость, не раз уводили от края. Обычно она хотела расстаться с матерью, разорвать отношения. Они с Руби по-разному устроены, теперь это очевидно. Кит пошла в Алана флегматичностью – Руби назвала бы это буржуазностью, – но, так или иначе, дочь вымотала эти штопоры, она уставала от глубинной чистки, в которую Руби превращала каждый их разговор.

Но для начала Кит нужны стратегии защиты от хаоса. Ограничение контакта. Алан и сам лишь недавно научился. Спасение – в электронной почте. Они с Руби договорились свести общение к переписке, только о Кит, и не более трех строк. Помогло. Алан два года не беседовал с Руби по телефону, и после прекращения огня его нервы успели окрепнуть, а рассудок – слегка передохнуть. От громких голосов Алан больше не подскакивал.

– Алан!

Он обернулся. Брэд. Алан вздрогнул, но прикинулся невозмутимым.

– Как там у вас продвигается? – спросил он.

– Нормально, – сказал Брэд. – Но уже почти три. Вы в офис? – Брэд, не оборачиваясь, указал подбородком на Черный Ящик.

Алан глянул на часы. 14.52.

– Ага, – сказал он. – Речь репетирую.

Вслед за Брэдом он пошел по набережной.

– Насчет еды не переживайте, – сказал Брэд. – У Рейчел в сумке нашлись крекеры. Так что мы в шоколаде.

Вялый сарказм. Алану не нравился Брэд.

У шатра Брэд остановился.

– Удачи, – сказал он. В лице его читались испуг и изумление. И в эту минуту Алан понял, каково оно будет, когда много лет спустя он станет слаб, не в состоянии о себе позаботиться, а Кит впервые заметит, что он гадит в штаны и пускает слюни. Она посмотрит на него, как сейчас смотрит Брэд, – воззрится на человека, от которого больше бремени, чем блага, больше вреда, чем пользы, зряшного, не нужного мировому прогрессу.

XII

Маха попивала чай со льдом.

– Ой, здравствуйте, мистер Клей.

– Здравствуй, Маха. Карим аль-Ахмад появился?

– Боюсь, что нет.

– Мне подождать? У нас встреча в три.

– Да, я знаю. Но он сегодня сюда не выберется. Он, к сожалению, застрял в Джидде.

– На весь день застрял?

– Да, сэр. Но он говорит, что будет завтра. С утра до вечера, так что назначьте время сами.

– Вы уверены, что мне больше не с кем поговорить? Только про вай-фай, еду, такие вещи?

– Мне кажется, вам лучше с мистером аль-Ахмадом. Завтра в любое время. Наверняка все разъяснится.

Алан вернулся в шатер, где команда со своими ноутбуками сидела по углам. Рейчел смотрела ди-ви-ди – какая-то стряпня и бородатый шеф-повар. Алан объявил, что сегодня мистера аль-Ахмада не будет.

В Джидду доехали быстро – молодежь щебетала, точно походники. Алан в полусне глядел на дорогу; лодыжка ныла. Зайдя в номер, не смог вспомнить, попрощался ли с остальными. Правда, помнил, как вошел в темный вестибюль, пахнувший хлоркой.

Слишком долго пробыл на солнце и сейчас возрадовался тьме, прохладе, рукотворному уродству. Но тяжелые двери номера отбили конец дня, и капкан захлопнулся, накатило одиночество. В отеле нет бара, нечем отвлечься, нечем утолить нужду, какова ни есть нужда. Всего-то начало седьмого, а заняться нечем.

Думал было звякнуть кому-нибудь из юной троицы, но звать их ужинать не дело. Не положено. Женщинам не позвонишь. Разврат. Можно Брэду, но Алану не нравился Брэд. Если б они все ужинали и позвали его, он бы поел. Если б позвали, он бы пошел. Но к семи вечера никто не позвонил. Он заказал ужин в номер, съел куриную грудку и салат.

Принял душ. Потер шишку на шее.

Залез в постель и понадеялся уснуть.

Уснуть не смог. Открыл глаза, включил телевизор. Репортаж про утечку у «Бритиш Петролеум». Заметного прогресса не наблюдается. Пытались остановить – закачивали в скважину цемент. Смотреть невыносимо. Утечка убивала Алана. Ее которую неделю не могли прекратить, а ему и всем прочим оставалось лишь глазеть на фонтан нефти над океаном. Алана устроили бы самые экстремальные методы. Когда услышал, что один моряк предложил вдарить туда ядерной ракетой, подумал: точно, вот именно, вдарьте, уроды. Только хватит уже. Люди ведь смотрят.

Выключил телевизор.

Поглядел в потолок. Поглядел в стену.

Вспомнил Триволи.

– Есть всего четыре подхода, – говорил тот. – С ними продашь что угодно.

Девять утра, они стояли перед обшарпанным домишкой. Алан вырос в нескольких кварталах отсюда, но этот покосившийся вправо дом ни разу не тронул ни ума его, ни взгляда.

– Первым делом анализируем клиента, ага?

Триволи в двубортном твидовом костюме. Начало сентября, в твиде жарко, но Триволи не потел. Алан ни разу не замечал, чтоб Триволи потел.

– Каждый клиент требует своего подхода, своего обращения, – сказал Триволи. – Всего их четыре. Первый – Деньги. Это просто. Апеллируй к бережливости. Продукция «Фуллер» сэкономит им деньги, сохранив вложения, – деревянную мебель, тонкий фарфор, линолеум. Практичного человека сразу видно. Простой ухоженный дом, удобное платье, фартук, сама стряпает, сама прибирается – тут нужна стратегия номер один. Второй – Романтика. Тогда продаешь мечту. Продукцию «Фуллер» превращаешь в грезу. Вместе с отпусками и яхтами. Я обычно говорю: «Шампанское!» Когда продаю спрей для ног, они снимают туфлю, и я говорю: «Шампанское!»

Алан не понял.

– Просто «Шампанское!»? С бухты-баракты?

– Ну да, и когда я это говорю, они себя чувствуют Золушками.

Триволи обтер сухой лоб шелковым платком.

– Третий подход – Самосохранение. Если у них страх в глазах, продаешь им Самосохранение. Тут все очевидно. Если она боится тебя впускать, говорит с тобой через окно, – тогда выбираешь этот подход. Говоришь ей, что эти продукты сохранят здоровье, спасут от микробов и болезней. Понимаешь?

– Да.

– Хорошо. Последний – Признание. Она хочет купить то, что покупают все остальные. Выбираешь четыре-пять имен самых уважаемых соседей, говоришь, что они у тебя уже купили. «Я только что от миссис Глэдстон, она очень просила зайти к вам».

– И все?

– И все.

Алан научился торговать хорошо – и научился быстро. Нужны были деньги, хотел съехать от родителей, что и проделал месяц спустя. Еще через полгода купил новую машину, а налички стало столько, что неясно, куда девать. Деньги, Романтика, Самосохранение, Признание: применял их ко всему подряд. Уйдя из «Фуллера» в «Швинн», те же уроки приспособил к торговле велосипедами. Принципы работали по-прежнему: велосипеды практичны (Деньги); велосипеды – красивые, блестящие вещи (Романтика); велосипеды безопасны и прочны (Самосохранение); велосипеды – знак семейного статуса (Признание). И в «Швинне» он тоже быстро шел в гору – от розницы на юге Иллинойса до регионального центра продаж, затем очутился за одним столом с чикагским руководством, сочинял стратегии, планировал расширение. Потом задавили профсоюз. Потом Венгрия, Тайвань, Китай, развод и всё вот это.

Снова включил телевизор. Репортаж про космический корабль многоцветного использования. Один из последних запусков. Алан выключил телевизор. Этого он тоже видеть не хотел.

Надо же – набирает отцовский номер. На международном звонке разориться можно. Но из-за космического корабля он вспомнил Рона и решил ему позвонить.

Это была ошибка. Он понял, что это ошибка, на первом же гудке.

Вообразил отца на ферме в Нью-Хэмпшире. Последний раз виделись с год назад – отец поднабрался сил. Щеки румяные, глаза аж сверкают.

– Ты глянь на эту шавку, – сказал в тот день Рон.

Они, значит, сидели на веранде, пили скотч, глядели на трех собак Рона, склочных и грязных. Его любимицей была австралийская пастушья псина, ни минуты не сидевшая на месте.

– Вот *это* я понимаю – шавка на все времена, – сказал Рон.

Он жил на ферме под Уайт-Ривер-Джанкшн. Держал свиней, коз, кур и двух лошадей – на одной ездил, другую ему сбавил приятель. О фермерстве Рон не имел ни малейшего представления, но, когда вышел на пенсию, а мать Алана умерла, купил 120 акров слякотной долины неподалеку от городка. Вечно жаловался – мол, эта дыра его убивает, – но эта дыра продлевала ему жизнь.

Алан с годами стал медлительнее, латаный-перелатаный и весь в шрамах, а вот отец умудрился поздороветь. Алан предпочел бы поменьше пикироваться – это что, трудно? И насмешки тоже лишние. Алан, ты *будда пеший!* Рон вечно подкалывал его венгерским фиаско. Рон из профсоюзных. Да они, дескать, на «Страйд Райт» пятьдесят тысяч пар обуви в день выпускали! В Роксбери! Как заведет песню про фабрику да модернизацию – не остановишь. Первая компания, открывшая своим сотрудникам детский садик. А потом и дом престарелых! У Рона была полная пенсия. Правда, он ушел на покой еще до того, как компания разругалась с профсоюзами и перевела производство в Кентукки. В 1992-м это было. А спустя пять лет – в Таиланд и Китай. И потому Аланова работа в «Швинне» Рону как кость в горле. Потому что Алан – менеджер, подыскивал «Швинну» регионы, где нет профсоюзов, вел переговоры с китайскими и тайскими поставщиками, *в немалой степени* (это Рон так говорил) приложил руку к падению «Швинна» и 1200 его рабочих, – короче, это усложняло беседу. О чем ни заговори, все сводится к спорам о том, от чего недужит государство, и потому едва ли не любая тема под запретом. В общем, болтали о собаках и плавании.

Рон выкопал себе прудик и плавал там каждый день с апреля по октябрь. Холодрыга, полно тины, и Рон вечно ею вонял. *Чума болотная*, звал его Алан, но Рон не улыбался.

– Поможешь свинью зарезать? – спрашивал он.

Алан отказывался.

– Свежий бекон, малец, – говорил Рон.

Алан хотел в город, поесть по-настоящему. «Фермер Рон» – это отчасти спектакль. Рон неплохо разбирался во французской кухне, в вине, а теперь толкал телеги про мясо с картошкой. В городе Рон пялился на женщин:

– Ты вон на ту глянь! Небось муфточка хоть куда.

Пещерный житель – это что-то новенькое. Мать Алана не потерпела бы такого варварства. Но кто тут настоящий Рон? Может, таков он и есть – тот, кем был, пока жена, мать Алана, не перевоспитала его, не усовершенствовала? Может, теперь он вернулся в естественное свое состояние?

Гудки прекратились.

– Алло?

– Привет, пап.

– Алло?

– Пап. Это Алан.

– Алан? Ты что, с Луны звонишь?

– Из Саудовской Аравии.

А чего Алан ждал? Изумления? Похвалы?

Ни звука.

– Я думал про космический корабль, – сказал Алан. – Помнишь, мы на запуск ходили.

– Что ты забыл в Саудовской Аравии?

Похоже на провокацию, на приглашение похвастаться, и Алан рискнул:

– Да тут любопытная история. Работаю на «Надежду», продаем королю Абдалле информационную систему. Прекрасное железо для телеконференций, покажем королю презентацию, трехмерное голографическое совещание. Один наш будет в Лондоне, а как будто с нами в комнате, с Абдаллой...

Ни звука.

И затем:

– Знаешь, чего я по телику смотрю?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.